

Алексей Ахматов

Моего ума дело

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-09
ББК 85
А95

Ахматов А. Д.

Моего ума дело / А. Д. Ахматов — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 148 с.

ISBN 978-5-532-04493-7

"Моего ума дело" - сборник небольших, но емких, и, порой, ироничных, заметок. Она состоит из нескольких пластов. Первый - яркие штрихи к портретам советских и российских литераторов: от Анны Ахматовой до Виктора Топорова. Второй: анализ творчества современных поэтов, выполненный доступным, увлекательным языком. И третий: философский взгляд автора на историю, не только литературы, но и страны, где эта литература развивалась. Книга даст богатую пищу для исследователей и доставит удовольствие широкому кругу читателей. Острая, содержательная, полемичная, она написана литератором, владеющим не только поэтическим даром и критическим взглядом, но и твердой гражданской позицией.

ISBN 978-5-532-04493-7

© Ахматов А. Д., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

«По мордасам, но не сильно»

* * *

Посидев в кафешке с поэтом Глебом Горбовским, под вечер мы зашли к моему другу Николаю Позняку. Попели песни (исключительно сочинений Глеба Яковлевича), выпили водки, закусили принесенными с собой килькамипряного посола.

– А почитай нам, Коля, стихи свои, – прорычал Горбовский, но Позняк, ученый-химик, заявил, что никогда не писал.

– Пусть уж Леша читает, это его стихия, – отмахнулся он.

– Ну да, – повернулся ко мне Горбовский – стихи у тебя ничего, но хотелось бы, чтобы как-то вот эдак-бы...

– Чего, Глеб Яковлевич? – спросил я, наливая по стопкам.

– А и вправду, чего не хватает? Как надо? – подыграл Николай.

– А вот как! – рубанул Горбовский ребром ладони по столу так, что подпрыгнули стопки и кильки. – Стихи должны по мордасам бить... – он немного помолчал и добавил, – но не сильно... Я всегда старался так писать.

Вот в этой добавке и сосредоточился весь его опыт профессионального поэта. Если не по мордасам – то не интересно ни себе, ни читателю, а если переборщить, то цензура не пропустит. Стало быть, и до читателя не дойдет.

«По мордасам, но не сильно», – вспоминаю я всегда, когда речь заходит о лучших поэтах второй половины двадцатого века.

* * *

Ранним утром поэту Геннадию Григорьеву позвонил драматург Сергей Носов и сказал, что у него есть «халтура» на сто баксов – нужно срочно написать стихотворение, посвященное поэту Александру Кушнеру. «Да знаю я прекрасно, что ты его терпеть не можешь. Что с того?! Заказчик – московский меценат, если не получит стихотворение к середине дня, отдаст заказ в другие руки. А деньги будут завтра вечером», – рассудительно убеждал он.

Невыспавшийся Григорьев, кляня Кушнера последними словами, сел за работу, однако, уже через пару часов, отринув с полсотни вариантов, он по телефону зачитал Носову получившееся четверостишие:

Говорят, что мир разрушен,
Но хранит высокий свет
Александр Семеныч Кушнер,
Лучший в Питере поэт.

Лишь отослав стихотворение, Гена посмотрел на календарь и увидел дату «1 апреля». Стоит ли говорить, что никакого московского мецената не существовало, и денег Григорьеву не заплатили? А четверостишие это вскоре появилось в Интернете за подписью «Г. А. Григорьев», чем немало удивило поклонников талантов обоих литераторов, хорошо знающих об особенностях отношения их друг к другу.

* * *

Небольшая комнатка секретаря перед председательским кабинетом, метко названная поэтом Сергеем Николаевым «предсабильником». Отбираю в шкафу рукописи, пришедшие на мое имя. Выйдя из своего кабинета, председатель правления писательской организации Иван Сабилло в возбуждении наталкивается на меня и, здороваясь, рассказывает:

– Представляете, сегодня утром приходил ко мне Владимир Нестеровский и сказал, что Союз писателей находится в глубоком упадке, что у нас все сплошь бездари и графоманы. И вообще, организация давно бы рухнула, если бы не такой гениальный поэт, как он. А час назад зашел Олег Чупров. Я хотел ему эту историю рассказать, дошел до места о гениальном поэте, как Чупров перебивает меня: «А ведь прав Нестеровский. Действительно, если бы не я, давно бы развалилась организация».

Как управлять сообществом, в котором одновременно находятся три сотни гениев?

* * *

Автор официального текста гимна Санкт-Петербурга Олег Чупров рассказал как-то одну историю. В году приблизительно шестьдесят третьем позвали его, начинающего тогда поэта, выступить в лито Глеба Семенова. Было оно одно из самых громких в городе (там начинали Глеб Горбовский, Александр Кушнер, Александр Городницкий), а располагалось во Дворце культуры имени Первой Пятилетки.

И вот, наш самоуверенный поэт в назначенное время рванул на себя двери центрального входа. А там народу – тьма. И почему-то все сплошь – военные моряки (чуть позже выяснилось, что для курсантов морского училища устроили вечер танцев). На вахте Чупрова попытались не пустить, но он стал возмущаться, заявляя, что получил особое приглашение, и никуда не уйдет, пока не прочтет стихи. Администрация сдалась, и ведущая, прервав намеченное течение вечера, объявила, что перед публикой сейчас выступит настоящий ленинградский поэт. Курсанты были недовольны, но все же смирились. Попросили только читать недолго – все-таки время в увольнительной летит быстро. «Всего пару штук», – радостно объявил Чупров и, открыв подготовленную подборку, начал с первого, попавшегося на глаза. Начиналось оно так:

На пляже было как всегда
Полным-полно народу!
Пришли и взрослые сюда
Мутить на солнце воду.

Далее в красках описывалось, как лирический герой ухаживал, и довольно удачно, за дамой в купальнике, пока не возник конкурент:

В мечтах собираюсь на маяк,
Что мне несет удачу,
Но вдруг на пляж пришел моряк
И все переиначил.

Он плавал этак, плавал так
Саженками и брасом...

Лирический герой, однако, не стушевался, и смог, благодаря обаянию и находчивости, добиться у дамы большего расположения. Заканчивалось же стихотворение такими строчками:

И всем нам было хорошо,
Хорошим людям слава!
А что моряк?.. А он ушел,
Он слишком мелко плавал!

И тут поэт замечает, что ведущая машет ему из-за кулис. Напрягшись, он услышал ее отчаянный шепот: «Бегите, молодой человек, бегите!». Тем временем в онемевшем зале раздались негромкие щелчки – то матросы снимали свои ремни с начищенными бляхами. Чупров бросился в боковые двери. Толпа – за ним. Преследование продолжилось и на улице. Олег Акимович вскочил на подножку трамвая, но «благодарная публика» побежала следом по мостовой. Тогда он бросился к кондуктору: «Спасите, я поэт! Меня хотят побить за стихи!». В общем, картина достойная пера Ильфа и Петрова: Остап Бендер, удирающий от поклонников шахматного искусства.

А на заседании лито Глеба Семенова, проходившего в это время в другом «крыле» ДК, искренне недоумевали, почему молодой поэт Чупров так и не явился выступать...

* * *

Поэт-фронтовик Герман Гоппе много лет руководил Клубом Молодого Литератора при Союзе писателей СССР и литобъединением при газете «Смена». «Не говори Гоппе, пока не перепрыгнешь», – шутили мы между собой, сдавая ему рукописи на очередную конференцию или сборник «Молодого Ленинграда».

Прошло время. Союз распался на два неравных куска, Дом писателя сгорел. Молодые литераторы занялись бизнесом или просто поиском куска хлеба насущного. Герман Борисович плохо себя чувствовал и не мог самостоятельно набирать свои тексты на машинке.

Незадолго до смерти он позвонил мне и сказал: «Представляешь, у меня за жизнь в общей сложности было семь тысяч учеников, а вот сейчас, на старости лет, никто не может мне помочь перепечатать на машинке мои стихи. Ни один человек. Все говорят, что им некогда».

Пришлось печатать мне, хотя я как раз его учеником не являлся. Набирая его подборку на компьютере (тогда это еще был «Спектрум»), я все думал о бренности заслуг и авторитета и попутно о том, что Вознесенский таки отказал Пастернаку перепечатать его стихи, считая, что он выше этого.

* * *

Поэт Дмитрий Толстоба рассказал мне забавный случай. В метро Василеостровская по эскалатору поднимался председатель секции поэзии, ленинградской писательской организации Семен Ботвинник. К нему на ступеньку встал молодой человек и с восхищением в голосе произнес:

– Здравствуйте, я узнал вас: вы гроссмейстер Корчной.

– Нет, – обескуражил его поэт-фронтовик, – я – Ботвинник!

Вообще-то, когда Семен Вульфович занимал председательское кресло, фамилия его мало располагала ко всякого рода шуткам. В Союзе ходило немало историй о загубленных им судьбах начинающих писателей. От его решений зависело, кому печататься, а кому нет, кому вступать в Союз, а кому сидеть до старости в «дворниках и сторожах».

На одном из первых своих официальных выступлений в Союзе я прочел стих про ветерана, который, расталкивая очередь, с бранью лезет к прилавку с фруктами. Там была такая строфа:

Он и тогда был не честней,
Был и тогда прохвост.
Он руку сбросил на войне.

Как ящерица хвост.

Заклучая вечер, Ботвинник сказал: «Какое отвратительное стихотворение написал молодой поэт Ахматов». Несколькими годами раньше эта фраза бы перечеркнула мою литературную карьеру. Теперь же было совсем не страшно. Была какая-то веселая злость. Уже начиналась перестройка, крушились незыблемые авторитеты, и хаос постепенно овладевал всем вокруг.

Впоследствии Ботвинник стал тихим и скромным пенсионером. Трогательно сутулясь, он, довольно интересно и всегда по делу, выступал на разных мероприятиях, на которые изредка выбирался. И стихи его многие стали мне нравиться. Особенно это:

Берлин горит. Подтаявшая тьма
Все выше поднимается и выше...
Огонь вошел в угрюмые дома,
И с тяжким гулом оседают крыши,

И наземь балки падают, звеня,
И жаркий пепел сыплется за ворот...
Я много видел пепла и огня;
Я видел свой, войну познавший, город,

И пламя, полыхающее в нем...
Берлин горит совсем другим огнем.

* * *

Поэт-авангардист Сергей Николаев жаловался, что не может обойтись без пива.

— Прямо пивной алкоголизм какой-то, — говорил он, — я должен хотя бы три бутылки в день выпить, иначе человеком себя не чувствую.

— А что за пиво ты пьешь? — спросил я.

— Чаще темное — оно хоть и тяжелое, но забирает лучше. «Балтика» № 6.

– А ты понимаешь, что выпиваешь три шестерки в день? Это же число зверя!

– Э нет, брат, – уверенно парировал Николаев, – я всегда пью из горла и бутылку переворачиваю. Так что получается три девятки.

* * *

В 90-х годах у меня попросили один из рассказов в сборник петербургских писателей «Камень, выступающий из воды». Рассказ был написан довольно откровенно, и редактор, как бы извиняясь за вынужденное самоуправство, позвонил мне по телефону перед публикацией и сказал: «Ты уж извини старик, но у тебя там столько эротики. Мы не решились ставить все издание под удар, и кое-что у тебя вырезали».

Ну, вырезали – так вырезали. В конце концов, это право редактора-составителя. Хорошо еще, что предупредили. Получив недели через две авторский экземпляр, я с интересом перечитал собственное произведение с целью определить, насколько сильно оно пострадало от цензуры. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил все откровенные сцены нетронутыми. Единственное, чего не было в тексте – цитаты из Экклезиаста: «Нет слаще слюны твоей сока»! То есть редколлегия, сама того не подозревая, отредактировала Священное писание. Самым разнужданным в моем рассказе оказалось библейское выражение! Я хохотал, как резаный. Да, далеко все-таки нашей постперестроечной сексуальной революции до библейских сексуальных откровений.

* * *

Как бы я с этой женщиной жил!
За нее, безо всякой бравады,
я бы голову даже сложил,
что сложнее сложенья баллады.

Дав отставку вчерашним богам,
я б не слушал сомнительных сплетен.
И отдал бы ей все, чем богат.

И добыл бы ей все, чем я беден.

И, за нею не зная вины
(что поделаешь – годы такие...),
наблюдал я лишь со стороны,
как бездарно с ней жили другие.

Но однажды (я все же везуч –
помогает нечистая сила)
протянула мне женщина ключ.
Поняла, позвала, поманила.

И теперь не в мечтах – наяву,
не в виденьях ночных, а на деле
как я с женщиной этой живу?
А как сволочь. Глаза б не глядели.

Автор этих строк – Геннадий Григорьев, мастер колких, почти эстрадных, поэтических реприз, однажды рассуждал:

– Я человек выстрела, мне важна не метафора, которую все видят, мне важен выстрел, и я – стреляю. Это моя боль. А когда я понимаю, что я стреляю вхолостую, и не падают те, в кого стреляю – значит, у меня что-то не получилось. Вообще меня мало интересует поэзия метафорная, у истоков которой стояли Мандельштам, Пастернак и другие. Первый-то, конечно, покруче был.

– Но ведь каждый из них шел своим путем в русской поэзии, и делал свои открытия. На этих путях все исчерпано? – спросил я.

– В забоях, на рудниках еще что-то осталось. Золотишко кое-где есть. Поэтому туда еще ходят. Ищи и ты, а я рублю главный туннель. Меня золото не интересует.

– А что ищешь ты?

– Свет! Только свет. Вот Вознесенский говорит: «Кому-то надо быть истопником». Придумал тоже: «мать – тьма». Ну и что?! Русский народ миллион таких вещей придумал. Неинтересно это. Евге-